

ИДЕЛИДИОД ВДУ ЛМАУТЕЛЕДИ

Екaтeринa Мурашoвa ■ Любитъ или воспитыватъ?

ЛЮБИТЬ ИЛИ ВОСПИ- ТЫВАТЬ ?

ЕКАТЕРИНА
МУРАШОВА

Екатерина Мурашова

ЛЮБИТЬ ИЛИ ВОСПИТЫВАТЬ?

Москва 2017 Самокат

УДК 159.922.7

ББК 88.8

М91

Серия «Самокат для родителей»
Оформление серии Яны Позиной

Мурашова, Екатерина.

М91 Любить или воспитывать? / Екатерина Мурашова. — [4-е изд.] — Москва : Самокат, 2017. — 352 с. — (Самокат для родителей).
ISBN 978-5-91759-293-0.

Очень серьезный папа учится весело играть с маленькими детьми. Мать семейства избавляется от многолетних страхов и налаживает дружеские отношения со свекровью. Братья перестают ссориться и соперничать за мамину любовь. А молчаливый подросток впервые по душам говорит со своим молчаливым отцом.

«Любить или воспитывать?» — истории из практики детского психолога и популярного колумниста журнала «Сноб» Екатерины Мурашовой («Ваш непонятный ребёнок», «Лечить или любить?»), обладающей даром поправлять семейное здоровье не только на приеме, но и с помощью книг. Екатерина Мурашова трижды номинирована на премию Астрид Линдгрэн.

Новая книга поможет читателям разобраться в отношениях с близкими людьми и если не найти моментально решение проблемы, то, по меньшей мере, правильно поставить вопрос: что не так? А это, согласитесь, уже немало.

*Любое использование текста и иллюстраций разрешено
только с согласия издательства.*

© Мурашова Е.В., 2002

© Оформление, ООО «Издательский дом “Самокат”», 2017

© ООО «Издательский дом «Самокат», 2017

ISBN 978-5-91759-293-0

СОДЕРЖАНИЕ

Слишком маленький?.....	9
Сага о северной бабушке.....	13
Воспитать правильно.....	18
Чего бы вы хотели для своих детей.....	23
Кусок хлеба для блокадной бабушки.....	28
Свобода есть.....	33
Маменькины сынки.....	38
Как утопить «Титаник».....	44
Серая мышка.....	49
Стихи для няни.....	54
Алиса как симптом и синдром.....	59
Мама и бабушка: кому воспитывать.....	65
Агрессивный ребенок.....	70
«Тяжелые дети» в семье.....	76
Строго по Павлову.....	82
Свекровкины зубы.....	87
Эксперименты на детях.....	96
Белочка Фрося.....	102
Хочется праздника.....	109
«Прошибатели стен» и «строители катапульта».....	112
Перевернуть страницу.....	117
Интеллигентные люди.....	123

Зависимость.....	131
Как заставить ребенка учиться.....	137
«И повесь костюм!».....	143
Спасатель миров.....	147
Последний перекресток.....	152
Бабушка Груня.....	159
Вызыватель дождя.....	165
О счастливом детстве.....	171
Бомжонок Гарик.....	177
Вампир как герой нашего времени.....	182
Диагноз по фотографии.....	187
Неэтичный поступок.....	193
Шрамы в душе и шрамы на теле.....	198
Рядом с любовью.....	203
Сын Штирлица.....	207
Посещение Небесной лавки.....	214
Телепат.....	219
Лунная девочка.....	224
Мои Ромео и Джульетта.....	229
Что делать?.....	235
Наедине с собой, или Опасный эксперимент.....	245
Невроз имени Стивена Джобса.....	249
Быть не как все.....	253
Дурная компания.....	258
Конрад Лоренц и зависимость от социальных сетей.....	264

Воплощение добра.....	269
Эмпатка.....	275
Не бойся.....	280
А где же я?.....	286
Никакой ребенок.....	291
Философ.....	296
Странная жизнь.....	302
Как с этим жить.....	308
Всего лишь эволюция.....	313
Счастливы вместе.....	317
Зависть.....	322
Полезный синдром.....	327
Интернетобия.....	332
Дети вырастают.....	337
Никогда не поздно.....	343

СЛИШКОМ МАЛЕНЬКИЙ?

С какого возраста дети умеют сочувствовать, сопереживать другим людям?

Хотя нет, даже не так. Американские исследователи в последней четверти двадцатого века убедительно показали, что младенцы уверенно опознают основные эмоциональные состояния матери и реагируют на них уже через четыре часа после рождения. Спокойствие, радость, страх, тревога... Я хотела сказать не об этом. С какого возраста сочувствие, сопереживание у ребенка может стать действенным, сознательно направленным не на изменение собственного состояния, а на другого человека?

Нередко можно слышать от родителей, жалующихся на плохое поведение, неуправляемость или даже жестокость собственных чад: «Да он же еще маленький! Он же не понимает, что папа на работе устает, бабушка тяжело болен, сестра расстроена из-за ссоры с подругой, а маме хотя бы иногда нужно побыть одной. Поэтому он и ведет себя так...»

Понимает или не понимает? Должен или не должен подстраивать свое поведение ко всем вышеназванным ситуациям? Надо ли этому учить? Если должен и надо, то с какого возраста? В два года — вроде еще рано, он еще и не говорит

толком. А в пять — не поздно ли, ведь как будто бы (откуда только взялось!) уже получился законченный эгоист, которому лишь свои желания и интересны?

Я расскажу случай из реальной жизни. Признаюсь честно: если бы сама не была тому свидетелем, может, и не поверила бы.

Итак, ребенку полтора года. Он обычный малыш, говорит несколько слов вроде «мама», «папа», «дай», «гав-гав» и, конечно же, очень любит играть со своей мамой.

Помимо всех прочих развлечений, доступных полуторагодовалому ребенку и его родителям, у них есть глуповатая, но любимая игра. Когда малыш чем-нибудь расстроен или упал и ушибся (а наш ребенок очень активен и всюду лезет), мать нажимает указательным пальцем на его носик-кнопку и громко говорит:

— Би-и-ип! Би-и-ип! Би-и-ип!

Ребенок забывает про обиды и хохочет от восторга. Мать тоже смеется и объясняет происхождение игры тем, что круглая, почти лысенькая головка сына напоминает ей первый советский спутник и его позывные.

Именно в полтора года ребенок, который до этого времени казался весьма здоровым, заболел. Какая-то сильная инфекция, острое и страшное повышение температуры, фебрильные судороги, остановка дыхания...

Мать не растерялась и не впала в панику. Она, как умела, стала делать ребенку искусственное дыхание, непрямой массаж сердца. Старшая дочь, проинструктированная матерью, мгновенно вызвала скорую. Скорая приехала очень быстро. Благодаря четким словам девочки врачи заранее знали, на что едут, и действовали слаженно и стремительно. Малыша накачали всем, чем можно, подключили ко всему, к чему можно, и, конечно, вместе с матерью увезли в больницу.

Уже в больнице он стал медленно приходить в себя.

Медики столпились вокруг, с тревогой и надеждой глядя на малыша. Никто не знал наверняка, чем обернется для него случившаяся трагедия. Насколько пострадал мозг? Сколько времени он был без кислорода? Какие структуры окажутся пораженными? А может быть, помощь подоспела вовремя и все вообще обойдется?

Ребенок был жив, вокруг — профессиональные медики, все, что можно, для него было уже сделано. И у матери, которая до сих пор держалась собранно и спокойно, началась разрядка. Руки и ноги дрожат, слезы и сопли размазались по лицу ровным слоем, она то хватается ребенка на руки и начинает его целовать, то снова кладет в кроватку и отворачивается, закрыв лицо руками.

Ребенок открыл глаза, оглядывает все вокруг и как будто пытается осознать, где он и что происходит. Медики радостно переглядываются: вроде бы взгляд малыша вполне осмысленный, хотя и несколько «в кучку» (что объяснимо еще и действием лекарств).

Все незнакомое — больница, кроватка, белые стены, какие-то дяди и тети вокруг. Наконец ребенок находит глазами знакомое лицо — мама! Сказать по чести, в нынешнем состоянии ее трудно узнать. Но малыш явно справляется, а медики, увидев это, облегченно выдыхают и собираются расходиться с сознанием выполненного долга.

Мать снова хватается ребенка на руки. Малыш хмурит светлые бровки, как будто напряженно, изо всех сил пытается что-то осознать, потом с таким же крайним напряжением, явно преодолевая слабость и неповиновение всех членов, поднимает ручку...

— Что? Что? — с тревогой спрашивает мать.

С третьего раза у него получается сконцентрировать взгляд и направить движение руки.

С облегченной улыбкой он нажимает пальчиком на нос матери и хрипло, но торжественно говорит:

— Мама! Би-и-ип!

И явно ждет, что теперь-то уж мать перестанет плакать и засмеется. Ему это всегда помогало — значит, поможет и ей.

Врачи, улыбаясь, уходят из палаты, мать судорожно, почти подвывая, смеется сквозь слезы, а пожилая медсестра как-то подозрительно часто моргает.

Слишком маленький?

САГА О СЕВЕРНОЙ БАБУШКЕ

Произошло это лет десять назад.

Уже под вечер ко мне на прием пришла молодящаяся интеллигентная дама с толстым широколицым младенцем на руках. Сонному младенцу на вид было около года, возраст дамы допускал различные варианты родства, поэтому я решила пока помолчать.

Как я и предполагала, дама сразу взяла быка за рога.

— Я — бабушка! — решительно заявила она. — Вообще-то нам, наверное, надо к психиатру. Но я не знаю, как оформить, поэтому сначала к вам.

— Помилуйте! — нешуточно удивилась я. — С таким маленьким ребенком — к психиатру?! Может быть, к невропатологу?

— Нет-нет! — дама сокрушенно покачала прической. — Здесь все серьезнее. Я и так ждала два месяца — думала, само пройдет...

— Да что случилось-то? — не выдержала я.

— Сейчас покажу, — пообещала дама и как следует встряхнула младенца. — Олечка!

До этой секунды я полагала, что толстощекий широкоскулый младенец — мальчик.

Услышав призыв бабушки, Олечка распахнула темные, как бы припухшие глаза и добродушно улыбнулась, обнажив мелкие, неровные, словно рассыпанные во рту зубы.

— Олечка, спой!

Дальше произошло нечто действительно странное. Девочка встрепенулась, напряжила пухлые ручки и не менее пухлые ножки, прижала подбородок к груди, широко раскрыла рот и...

Ничего подобного мне до той минуты слышать не приходилось. Низкий переливчатый звук вибрировал прямо на моих барабанных перепонках. Олечка исподлобья смотрела на меня пронзительными глазками и слегка двигала головой, модулируя свое завывание, напоминавшее то ночной вой метели, то визг неисправных тормозов. Иногда в горле ребенка раздавалось какое-то бульканье, иногда все это прерывалось низким хрипом, как будто бы Олечке не хватало воздуха.

— Всё, хватит! — дама вполне неделикатно хлопнула внучку по спине.

Олечка закончила последнюю руладу и послушно замолчала.

— Господи, да что же это?! — совершенно непрофессионально воскликнула я.

— Хотела бы я знать! — вздохнула дама.

— Сколько Олечке сейчас?

— Год и два месяца. Началось три месяца назад. Сейчас лучше, потому что она стала что-то понимать. Раньше был кошмар. Она могла «запеть» в тихий час в яслях, в автобусе, на прогулке. У окружающих просто челюсти отваливались, а у меня нервный тик начинался. Вот видите, и сейчас еще веко дергается...

— Олечка что-то говорит?

— Практически нет. «Мама», «папа», «пи» — это пить или писать, «ки» — это кошка. Пожалуй, и все.

— В каких случаях она... гм... поет?

— Да в любых. Когда настроение хорошее, когда плохое, когда просто скучно. Может под телевизор запеть. Сейчас вот стала петь по просьбе.

— А так... в целом... Олечка ведет себя как обычный ребенок?

— В том-то и дело! Прекрасная девочка. Умная, спокойная, ласковая. Невропатолог нас смотрел, сказал: все бы так развивались... Так что нам — к психиатру!

— Подождите, подождите, давайте разберемся. Не может быть, чтобы не было причины... Психиатрия в семье была? Алкоголизм, наркомания? Может, у вас кто-то увлекается какой-то экзотической религией? — В ответ на каждый из моих вопросов дама отрицательно качала головой. — Рассказывайте с самого начала. Где родители ребенка?

Из дальнейшего разговора выяснилось следующее. Родители Олечки познакомились, когда дочь дамы, студентка технического вуза, была на практике на каком-то северном металлургическом комбинате. Потом два года переписывались, он приезжал в отпуск. Потом поженились. Он — ненец, вырос в интернате, по образованию тоже инженер. Семья получилась, по словам дамы, вполне гармоничная. Через два года родилась Олечка. А еще через полгода молодой маме надо было выходить на работу («Там такая фирма полукommerческая, и зарплата хорошая, и перспективы, вы ведь понимаете, как сейчас инженеру хорошую работу найти, да еще женщина с ребенком...»). В ясли Олечку по малолетству не брали («Только после года!»), дама работала в библиотеке Академии наук, так что положение казалось безвыходным. И тогда на семейном совете было решено выписать из полуразвалившегося оленеводческого совхоза ненецкую бабушку, мать мужа.

Бабушка немедленно приехала. По-русски она говорила не очень хорошо, метро, троллейбусов и трамваев боялась,

городских цен не понимала (в совхозе к тому времени денег не видели уже лет семь), но с внучкой сидела исправно и по дому помогала. Словом, все было вполне благополучно. Младенца Олечку бабушка почти не спускала с рук, рассказывала ей ненецкие сказки и, к удивлению семьи, к восьми месяцам приучила ее ходить на горшок. Теперь Олечка всегда была сухой, обласканной и всем довольной.

После лета обвешанная подарками бабушка отбыла на свою далекую родину, а Олечка пошла в ясли. И через две недели «запела».

— Может, она ее сглазила? — сама себя стесняясь, спросила интеллигентная сотрудница БАН. — Я прямо не знаю... Ведь очень хорошая вроде бы женщина... Хоть и необразованная...

— А отец, муж дочери? — спросила я. — Ему «пение» Олечки ничего не напоминает?

— Нет, — удивилась дама. — А что оно должно напоминать?

— Ах да, он же вырос в интернате! — вспомнила я. — Срочно раздобудьте ненецкие народные мелодии. Точнее, даже не мелодии, а песни!

— Вы думаете?.. — просветлела дама. — Вы думаете, это она и вправду поет?!

— Почти уверена! — решила я (надо же было как-то оградить Олечку от психиатра с его непременноми таблетками). — Я когда-то читала, что у северных народов есть очень странная манера пения, шокирующая европейцев...

— Господи, пусть это будет так! — истово воскликнула дама. И тут же засомневалась: — Но ведь при нас она, мать Вити, никогда не пела...

— Стеснялась, наверное, — предположила я. — Да вы же все целый день на работе...

— Да-да, конечно, наверное, так... — утешающий, как известно, хватается за соломинку. — Спасибо, мы пойдем, —

дама подхватила окончательно сомлевшую Олечку и выбежала из кабинета.

В следующий раз я увидела их в коридоре поликлиники спустя год. Олечка очень вытянулась и похудела. Однако ее широкая мордашка лучилась все той же добродушной улыбкой.

— Ну, как песни? — спросила я.

— Ой, спасибо вам, — засуетилась бабушка. — Мы всё собирались зайти, собирались... Искали мы тогда, искали... Потом зять чуть ли не в представительстве их, северном, какой-то фильм разыскал. Вот там они стоят и поют... Это же ужас какой-то! Он потом вспомнил, что и сам в детстве слышал. Но это же взрослые, а здесь — ребенок...

— А сейчас-то Олечка поет?

— Нет, разучилась почти. Но вот та бабушка просит привезти ее летом на месяц. Дед совсем плохой, хочет внучку перед смертью увидеть. Зять говорит, надо ехать. Думаем...

ВОСПИТАТЬ ПРАВИЛЬНО

Этот визит не заладился с самого начала. Не слишком молодые, хорошо одетые и тщательно причесанные мужчина и женщина друг за другом вошли в мой кабинет, внимательно огляделись (я заметила, что им очень не понравилась протечка на потолке) и аккуратно уселись рядом на стульях. Ребенка с ними не было.

Я еще не успела произнести свое традиционное «слушаю вас», как мужчина заговорил сам — веско и внушительно:

— Мы хотим, чтобы вы сразу поняли: родительство для нас — это не случайность, как для большинства современных молодых людей, а важнейший, глубоко осознанный акт.

Мне вдруг показалось, что сейчас он предъявит какую-то важную бумагу, заверенную здоровенной печатью. Акт родительства.

— Да, конечно, — сказала я, погасив улыбку, и стала ждать, что будет дальше.

— Поскольку мы серьезно подходим к этому вопросу, мы еще до рождения ребенка много читали — и книг, и в интернете — и столкнулись с прискорбным фактом: сведения о воспитании детей, которые там даются, удивительно противоречивы.

Я согласно закивала: конечно, конечно.

— Это касалось даже самых важных, можно сказать, базовых тем воспитания, — женщина продолжила мысль мужа. — Как кормить, как наказывать, как развлекать, развивать и обрывать ребенка, на какой основе организовывать его общение с другими детьми. И каждая из позиций — подчас противоположных — выглядела вполне аргументированной, подкреплялась мнениями врачей, психологов, педагогов...

Меня немного напрягло, что наказание она назвала вторым важным пунктом, сразу после кормежки. Что-то в этом было от цирковой дрессировки — кнут и пряник. Но я, конечно, продолжила слушать. Интересно, сколько лет их ребенку? Если они пришли ко мне, стало быть, где-то в осознанном родительстве их уже настигла неудача... Значит, сейчас ее и обсудим.

— Мы, естественно, задумались: где же выход? Ведь у нас всего один ребенок, мы не можем себе позволить экспериментировать на нем в угоду различно мыслящим специалистам...

— Очень, очень разумно, — кивнула я.

— И вот мы решили: надо выбрать какую-то одну систему, которая кажется нам здоровой, и в дальнейшем ее и придерживаться. Тут нам в руки попала ваша книга «Непонятный ребенок», и очень многое в ней показалось разумным, без крайностей. Важно и то, что вы живете с нами в одном городе, следовательно, всегда можно будет проконсультироваться лично. Короче, мы выбрали вас.

Лица обоих оставались совершенно серьезными, а у меня в голове моментально всплыла дразнилка из детства — из незабвенного французского ужастика: «Мне нужен труп. Я выбрал вас. До скорой встречи. Фантомас».

Я не удержалась и фыркнула. Они посмотрели удивленно и укоризненно.

— Сколько лет вашему ребенку?

— Одиннадцать месяцев.

Я вздохнула и заговорила, стараясь сохранять серьезную мину.

— Понимаете, мир, в который приходит ребенок, может быть очень разным. Городская квартира и деревенский дом, дворец и юрта в степи, одинокая молчаливая скандинавская мать и огромная крикливая родоплеменная семья африканских негров. Ребенок не знает, куда он попал, и у него есть врожденная способность адаптироваться ко всему вышперчисленному. Уже к году он может есть протертый шпинат, упакованный в стерильные баночки, и прожеванную матерью ореховую кашку, хрустеть специальным детским печеньем и поджаренными на костре личинками жуков, строить пирамидки из деревянных кубиков, выкрашенных экологически чистыми красками, и из лепешек сушеного дерьма, которое используется родителями в качестве топлива, спать в специально оборудованной кровати, на сундуке или в гамаке, подвешенном к потолку...

Родители смотрели на меня с ужасом, округлив глаза, — должно быть, живо представляли, как их ребенок закусывает личинками, складывая в пирамидки сушеное дерьмо.

— И все это по-своему правильно...

— Ради бога! — воскликнул отец. — Наш ребенок не живет и никогда не будет жить в юрте или вигваме! Нас интересуют конкретные реалии нашей, нормальной цивилизации: что можно давать в качестве игрушек, в какие игры полезно играть, с какого возраста лучше отдавать в садик, можно ли включать мультики по телевизору, в дальнейшем — с какого возраста надо начинать учить буквы, когда рекомендуется первое приобщение к компьютеру...

— Хорошо, попробую по-другому, — сказала я. — Любому ребенку действительно нужны правила. Это необходимо для устойчивости его мира. Эти конкретные, уникальные

для вашей семьи правила определяете вы — мама и папа, предварительно договорившись между собой. А потом сообщаете их ребенку в доступной для него форме.

— Да, но на что мы при этом должны опираться? Как учесть интересы ребенка и не избаловать его?

— Вы опираетесь на то, что вам удобно. А ребенок подстраивается к правилам жизни в вашем доме, как подстроился бы к жизни в юрте или в королевском дворце. Ни в коем случае не наоборот: когда взрослые подстраиваются к интересам ребенка, это непосильная нагрузка на его нервную систему и ведет это прямо к неврозу, так как у ребенка возникает иллюзия, что он может управлять взрослыми людьми. А он не может, ему не отпущено на это сил. Только приспособливаться.

— То есть мы должны жить как нам удобно, и тогда все будет правильно?

— Именно!

— Ладно, это по быту. А как же интеллектуальное, в конце концов, духовное развитие ребенка?! Как это правильно формировать?

«В конце концов, духовное развитие» меня доконало.

— Товарищи, пока вы не поймете, что дать вместе с ребенком корм пороссятам так же важно, увлекательно и духоподъемно, как сходить в театр на «Аиду» или в этнографический музей, просветление вас не настигнет. И еще важно: никто не требует от вас, чтобы, живя в переулке у Театральной площади, вы непременно завели на балконе поросят, а живя на ферме под Тихвином, каждую неделю таскали ребенка в Мариинку.

— Спасибо, — они поднялись так же согласно, как вошли в мой кабинет. — Мы поняли вашу точку зрения. Пожалуй, мы поищем другого специалиста, который даст нам более конкретные рекомендации по интересующим нас вопросам.

— Удачи. Вы, конечно, найдете, — пообещала я. — Но помните на всякий случай и то, о чем мы сегодня говорили.

— Мы, безусловно, не забудем, — они многозначительно переглянулись, и в их глазах я отчетливо увидела прочно запечатлевшийся образ грызущего личинки младенца.

«Ну хоть что-то», — уныло подумала я, провожая их взглядом.

Это, несомненно, была моя неудача.